

М 223 И. ИПОЛИТОВ
1849

801-18
1541
/

ЛЕНИН О ТУРГЕНЕВЕ

W3(774)

Журнально-газетное объединение
Москва—1934

2015133032

Ответ. редактор Е. ЗОЗУЛЯ	Техн. редактор Л. Свешников.
Издатель Журнально-газетное объединение	№ 27
Уполномочен. Главлита В-76579	Тираж 50 000. Заказ 14
Статформ. А ₅ —105×148 мм. 3/4 бум. лист. Число зн. бум. л. 92 160	
Книжка сдана в набор 20/1—34 г.	Подписана к печати 4/II—34 г.
Типография и цинкография Жургазобъединения, 1-й Самотечный, 17	

Минувшая полувековая годовщина со дня смерти Ивана Сергеевича Тургенева прошла, как и подобаег почтенному классику, чинно и тихо, может быть, даже тише, чем следовало. Тургенев, в конце концов, заслуживает не только статьи в толстом журнале и концертов в Политехническом, но и деятельного внимания критика и читателя.

В кругу юбилейных тем первое место заняли материи, завещанные еще Пыпиным: Тургенев и Лев Толстой, Тургенев и Достоевский, ...и круг «Современника», ...и семейство Виардо и пр. и пр. Все это, вероятно, нужно и важно; но, пожалуй, лучше было бы воспользоваться случаем, чтобы взглянуть на Тургенева глазами не его современников, а наших. Тургенев стоит того, чтоб им занимались не только по юбилейным дням—стало быть, времени и возможности для кропотливых комментаторов остается более, чем достаточно. Сегодня же надо повернуть Тургенева так, чтобы он откликнулся на те вопросы, которые тревожат нас с вами, а не людей шестидесятих годов. Мы, например, заняты сейчас проблемой социалистического реализма—так вот, пусть литературоведы отложат на

минуту опубликованные и неопубликованные письма Тургенева к родным и знакомым и ответят нам, каков был реализм Тургенева и как он соотносится с нашим. Право же, такая тема окажется свежей и поучительней, чем изыскания о побочных дочерях покойного писателя. Именно с точки зрения нынешних запросов к освоению Тургенева нам представляется целесообразным поставить вопрос об отношении Ленина к Тургеневу.

Два слова к мотивировке темы. На первый взгляд она может показаться натянутой: в самом деле Ленин упоминает о Тургеневе сравнительно редко и мало, гораздо меньше, чем, например, о Салтыкове-Щедрине, не говоря уже о Толстом, если брать русских писателей; высказывания эти беглы, попутны. В ответ на это надо сказать, что для марксистско-ленинского литературоведения даже случайные высказывания Ленина о Тургеневе представляют большой интерес и притом двоякий: во-первых, для понимания и оценки Тургенева и, во-вторых, как дополнительный, хотя и мелкий, но не лишенный значения штрих для изучения литературного арсенала Ленина. Иное, как бы оброненное вскользь, замечание Ленина содержит блестящую лаконическую характеристику социальной позиции писателя, проливая, таким образом, яркий свет на его деятельность в целом, дает критике ключ к уразумению и дальнейшему раскрытию творчества данного писателя. Иногда Ленин упоминает лишь имя

того или иного писателя, ограничивается голой ссылкой на него, но самый контекст, где встречается это имя, то, как и где использует его Ленин,—будит мысль исследователя, родит новые мысли, заставляет работать в известном направлении, подталкивает к правильным выводам. Собранные же вместе эти ленинские обращения к писателю, высказывания и упоминания, дополняя друг друга, позволяют подчас сделать уже более определенные выводы, заключить об отношении Ленина к данному автору—по этому одному имело смысл собрать воедино ленинские упоминания о Тургеневе.

Подобные высказывания имеют, как сказано, и другое значение: они раскрывают какую-то сторону ленинского литературного стиля, ленинского восприятия художественной литературы, умения использовать ее в своей работе. Подбирая и систематизируя такие высказывания, мы совершаем необходимую предварительную работу по накоплению материала для дальнейшего развернутого и углубленного изучения круга литературных интересов и вкусов Ленина, его отношения к классикам и художественной литературе вообще.

Тем самым становится оправданной и целесообразной тема данной статьи. Дальнейшее изложение преследует цель подкрепить вышеприведенную мысль конкретным материалом.

Для начала познакомимся с Лениным—читателем Тургенева.

Знакомясь с репертуаром чтения Владимира Ильича,—хотя бы в тех пределах, о которых позволяет судить перечень использованных работ в собрании сочинений и который, конечно, не покрывает десятой части прочитанной им литературы,—нельзя не поразиться не только обширностью его эрудиции, но и ее многогранностью. Наряду с философской, экономической и политической литературами, Ленин хорошо знал и умел использовать сокровищницу мировой художественной литературы. В круге чтения и интересов Ленина художественная литература, в первую очередь, классическая русская, занимает свое собственное, прочное и законное место.

Характерное свидетельство об этом мы находим в воспоминаниях ближайшего друга Ленина—Н. К. Крупской: «Когда Владимир Ильич впервые появился в Питере,—пишет она,—и я его знала только по рассказам, слышала я от Степана Ивановича Радченко, что Владимир Ильич только серьезные книжки читает, в жизни не прочел ни одного романа. Я подивилась; потом, когда мы познакомились ближе с Владимиром Ильичом, как-то ни разу у нас не заходил об этом разговор, и только в Сибири я узнала, что все это чистая легенда. Владимир Ильич не только читал, но много раз перечитывал Тургенева, Л. Толстого, «Что делать?» Чернышевского, вообще прекрасно знал и любил классиков. Потом, когда большевики стали

у власти, он поставил Госиздату задачу—переиздание в дешевых выпусках классиков»¹.

Естественно, что, зная и любя классиков, Ленин не мог пройти мимо Тургенева. В другом месте тех же воспоминаний т. Крупская рассказывает* об этом: «...в Сибири я узнала, что Ильич не меньше моего читал классиков², не только читал, но и перечитывал не раз Тургенева, например».

Интересная подробность, свидетельствующая о большом интересе к Тургеневу, сохранилась в самой ленинской переписке. Сидя в сибирской ссылке, в феврале 1898 года Ильич пишет матери: «От Маняши и Анюты³ получил письма от 9. II, затем «Юридический вестник» и «Статистический временник», а также «Дневник съезда [техников]». Спасибо за все. Последний был очень интересен, и Анюте за него особенно спасибо. Она пишет, что Амичиса книга—детская⁴. Этого я не знал, но и детская будет здесь полезна, ибо детям Проминского⁵ нечего читать. Я даже думал такую вещь сделать: выписать себе «Ниву». Для ребят Проминского это было бы очень весело (картинки еженедельно), а для меня—полное собрание сочинений Тургенева, обещанное «Нивой» в премию,

¹ Н. Крупская, Воспоминания о Ленине, М., 1931 г., стр. 32.

² Там же, стр. 187.

³ Мария Ильинишна и Анна Ильинишна Ульяновы — сестры В. И.

⁴ В предыдущих письмах Ленин просил ему прислать переведенную Анной Ильинишной книгу Э. де Амичиса «Школьные товарищи».

⁵ Проминский И. Л. (1859—1923) — товарищ Ленина по ссылке.

в 12 томах. И все сие за семь рублей с пересылкой! Соблазнительно очень. Если только Тургенев будет издан сносно (т. е. без извращений, пропусков, грубых опечаток), тогда вполне стоит выписать. Не видал ли кто-нибудь из наших премий «Нивы» за прошлые годы? Кажется, она давала Достоевского? Сносно ли было? Я теперь рассчитываю поправить наверняка свои финансы, ибо отдельное издание статей должно же выгореть так или иначе, да затем получаю теперь большой перевод с английского (из Питера) Адама Смита, за который должно что-нибудь перепасть. Поэтому долги свои все возьму (надо только не забывать их). Поэтому также и «Ниву» считаю возможным выписать—пусть еще насчет того, будет ли «сносен» Тургенев, решат наши—у них больше данных для решения»¹. Судя по тому, что т. Крупская в Сибирь сочинений Тургенева с собой не привозила, а в Сибири у Ильича они оказались—надо думать, что «Нива» была, в конце концов, выписана и именно этим изданием Тургенева Ильич пользовался.

В той же переписке сибирского периода мы встречаем и другую деталь, характеризующую отношение Ленина к Тургеневу. Как известно, Ленин использовал пребывание в ссылке для усиленных занятий, в том числе и иностранными языками. Интересно, что для практики в немецком языке Ленин выбрал именно

¹ В. И. Ленин, Письма к родным, М., 1931 г., стр. 102.

переведенного на немецкий язык Тургенева. 20 декабря 1898 года Крупская, по поручению Ленина, в письме к его матери просит Анну Ильиничну прислать им в Сибирь «Тургенева на немецком языке», а Ленин делает особую приписку об этом: «Насчет немецкого перевода Тургенева я бы думал лучше всего справиться, например, у Вольфа¹ и взять кстати каталог изданий—хоть Реклама. Что именно из тургеневских сочинений, нам безразлично—только перевод желательно из хороших»².

Что это не случайная просьба—достать Тургенева—видно из того, что спустя некоторое время, не получив на письмо ответа, Владимир Ильич снова напоминает о ней. В письме к матери 7 февраля 1899 года он пишет: «Должно быть, Аня не получила того моего письма (очень уже давно написанного), где я просил прислать 1) какой-нибудь сносный немецкий перевод Тургенева и 2) подробную немецкую грамматику (хоть на немецком языке для немцев, ибо для русского обыкновенно чересчур кратки грамматика). Я хочу основательно взяться за немецкий»³. По всегдашнему своему обыкновению доводить однажды начатое дело до конца Ильич и в этой мелочи добился своего: немецкий Тургенев был ему прислан. Еще через месяц—7 марта—Ленин уже бла-

¹ Вольф — крупнейшая тогдашняя книготорговая фирма в России.

² В. И. Ленин, Письма к родным, М., 1931 г., стр. 164.

³ Там же, стр. 184.

годарит мать за исполнение его просьбы: «Получил я на этой неделе, дорогая мамочка, три книжечки Тургенева по-немецки. Merci за них. Это очень хорошо, что взяли издание Реклама: оно, кажется, наиболее удобное»¹. И Крупская в письме к сестре Владимир Ильич—Марии Ильиничне—также не забывает отметить получение книжек, объясняя попутно, для чего их предполагалось использовать: «Раздобылись теперь Тургеневым на немецком языке и собираемся начать делать переводы с русского на немецкий»².

Переписка позволяет установить и другой небезыңтересный момент—именно точно датировать время, когда Ленин занимался Тургеневым. Безусловно, он был знаком с Тургеневым и раньше: в восьмидесятых годах, когда Ленин учился в гимназии и университете, слава Тургенева стояла на высоте, и такие его произведения, как, скажем, «Записки охотника», «Рудин» или «Отцы и дети», зачитывались до дыр всей переводной учащейся молодежи; не подлежит никакому сомнению, что они тогда же были прочитаны и Лениным. Это бесспорно, но важно подчеркнуть, что в 1898—1899 годах сложившимся, взрослым человеком Ленин снова возвращается к Тургеневу и перечитывает его целиком. Специально для того, чтобы приобрести собрание сочинений Тургенева, он не-

смотря на безденежье подписывается на «Ниву», позже выписывает немецкое издание Тургенева и не только читает его, но и—поскольку можно заключить из процитированного выше письма т. Крупской—собирается переводить Тургенева на немецкий язык для практики. Все это вместе взятое показывает, что Владимир Ильич всерьез интересовался Тургеневым и умел ценить его писательский талант.

Что именно из произведений Тургенева и как использовал Ленин в своей работе?

Отметим прежде всего, что, раз оценив Тургенева, Ленин не забывал его всю жизнь. В дальнейшем Ленин время от времени обращается к тургеневским образам, пользуется его героями для характеристики своих политических противников, прибегает к тургеневским сравнениям. Десятки ссылок на Тургенева проходят по всему собранию сочинений Ленина, начиная от ранних его работ и кончая одним из самых последних публичных выступлений: докладом на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 года.

Лениным использованы все основные вещи Тургенева: «Записки охотника», романы «Рудин», «Отцы и дети», «Дым» и «Новь», затем одна из лучших повестей—«Ася» и два «Стихотворения в прозе» (именно: «Житейское правило» и «Русский язык»), задета даже переписка Тургенева. Наиболее посчастливилось «Отцам и детям», откуда в ленинский обиход прочно вросли две характерные цитаты. Во-первых, Ильичу очень

¹ В. И. Ленин, Письма к родным, стр. 193.

² Там же, стр. 195.

понравилось выражение Базарова—«для ради важности»¹, которое Ленин употребляет несколько раз в своих статьях.

«Излюбленное лицо российского купечества—и в то же время старая бюрократическая крыса—г. Тимирязев назначен министром торговли и промышленности,—писал Ленин в статье «Левение» буржуазии и задачи пролетариата»—26 (13) марта он выступил в Думе с большой «программной» речью—подобные речи министров называются во всех черносотенно-буржуазных и просто буржуазных парламентах мира программными речами исключительно «для ради важности». На деле никакой программы царский министр не изложил, а отделался, как водится, ровно ничего не говорящими любезными кивками по адресу капиталистов да угрозами по адресу рабочего класса, соединив, конечно, эти угрозы с казенно-лицемерным выражением «сочувствия»².

В брошюре «Шаг вперед, два назад», полемизируя с Плехановым, Ленин пишет: «Тов. Плеханов величественно замечал (для ради важности, как выражался Базаров), что в случае нового раскола рабочие перестанут понимать нас, и в то же время сам полагал

¹ Ленин имеет в виду главу XVI «Отцов и детей», где выводится тетушка Одинцовой, княжна Х—ая: Базаров и Аркадий скоро догадались, что на нее не обращали внимания, хотя обходились с нею почтительно. «Для ради важности» держат, потому что княжеское отродье», — подумал Базаров».

² Собр. соч., изд. 2-е и 3-е, т. XIV, стр. 61.

начало бесконечному ряду таких статей в новой «Искре», которые в своем настоящем конкретном значении оставались неизбежно непонятными не только для рабочих, но и вообще для всего света»¹.

В том же смысле Ленин употребляет эту цитату и в других статьях (ср., например, т. XI, стр 139 и 145; XII—406; XIII—272; XV—335). Ленин терпеть не мог пустопорожней болтовни и прямо заявлял, что «нет ничего более противного духу марксизма, как фраза»². Естественно, ему импонировала базаровская реплика, и он ее превосходно использовал. Острое базаровское словцо пригodiлось ему, чтобы припечатать либерально-меньшевистское суесловие; чтобы показать, как куцая либеральная идея рядится в одежды пышных фраз; чтобы научить рабочих видеть под маской красивых слов классового врага.

Второй цитатой из «Отцов и детей», которой пользовался Ленин, послужила, опять-таки, базаровская реплика.

В статье «Рабочая и буржуазная демократия» Ленин, цитируя Потресова, пишет: «Вдумайтесь в следующие слова: ставить условием соглашения с оппозиционными группами признание ими всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права значит «преподносить им неотразимый реактив своего требования, лакмусовую бумажку демократизма и класть на

¹ Собр. соч., т. VI, стр. 296.

² Там же, т. XV, стр. 335.

весы их политического расчета всю ценность пролетарского содействия». Как красиво это написано! И как хочется сказать автору этих красивых слов, Староверу: «друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво!»¹. Полемизируя, спустя несколько лет снова с Потресовым, Ленин опять вспомнил это выражение: «К числу «пустяков» отнесена также г. Потресовым философская борьба материалистов, марксистов, с махистами, т. е. с идеалистами. Г. Потресов глубоко возмущен «вакханалией («друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво!») этого философствования» и, называя при этом со стороны материалистов Плеханова и меня, характеризует нас как «вчерашних политиков». Над этим выражением я долго смеялся. Поистине хвастовство тут настолько явно и так забавно, что нашему зайцу следовало бы дать клочок медвежьего ушка»².

В дальнейшем Ленин всецело отождествляет Потресова с тургеневским персонажем и уже при всех обращениях к Потресову называет его Аркадием Николаевичем: «Ну, что, Аркадий Николаевич, вы и теперь не понимаете, что такое ликвидаторство?», «Ведь у вас, Аркадий Николаевич, что ни выстрел—то мимо» и т. д.³. Образ красноречиво-пустопорожного бол-

¹ Собр. соч., т. VII, стр. 67—68. Ленин имеет здесь в виду следующее место из «Отцов и детей»: «О, друг мой Аркадий Николаевич, воскликнул Базаров, — об одном прошу тебя: не говори красиво».

² Собр. соч., т. XV, стр. 85-86.

³ Там же, т. XV, стр. 86-87.

туна, ассоциируемый с меньшевистской болтовней Потресова, отлично выразил и оттенил политическую сущность последнего.

Здесь мы встречаемся с характерным ленинским методом использования классического литературного наследства для практической политики. Ленин часто привлекает в своих статьях образы, заимствованные из мировой литературы. Эти образы обычно приобретают у него вес и значение сильной и выпуклой характеристики. Вместо того, например, чтобы сызнова повторять определения лживой, предательской, двуручнической политики Троцкого, Ленин спрессовывает ее в одно понятие: «Иудушка Троцкий»¹. Меткое сравнение, эпитет солтыковского Иудушки Головлева; выжжено, как клеймо, на лбу Троцкого и навсегда за ним останется. По той же линии пошло использование и тургеневских образов, хотя они и не заняли у Ленина значительного места.

В этом разрезе взят, как показано выше, образ Аркадия Кирсанова; еще лучше это обнаруживается на примере Ворошилова из тургеневского романа «Дым».

В статье «Аграрный» вопрос и «критики» Маркса» Ленин, переходя к рассуждениям Виктора Чернова, пишет: «Милый г. Чернов! Как он удивительно похож на тургеневского Ворошилова: помните в «Дыме» молодого русского приват-доцента, который совершал

¹ См. «О краске стыда у Иудушки Троцкого», XXI Ленинск. сб., стр. 303.

променады до загранице, отличался вообще большой молчаливостью, но от времени до времени его прорывало, и он начинал сыпать десятками и сотнями ученых и ученийших, редких и редчайших имен? Точь в гочь наш ученый г. Чернов, который совсем уничтожил этого невежественного Каутского»¹. В последующем тексте Ленин отождествляет Чернова с Ворошиловым так же, как Потресова с Аркадием Кирсановым. Но образ Ворошилова Лениным понимается гораздо шире, чем удачный эпитет для г. Чернова. Ленин характеризует образом Ворошилова целый ряд «критиков Маркса»: у него фигурирует не только Ворошилов-Чернов, но и Булгаков, «Ворошилов русский» (т. IV, 239) и Герц—«Ворошилов австрийский» (т. IV, 239), и даже «журнал господ Ворошиловых» («Socialistische Monatshefte», т. IV, 223). Для Ленина имя Ворошилова становится нарицательным, Ворошилов вырастает в тип, в символ целой общественной категории. И Ленин заключает: «Ворошиловы везде одинаковы: и в России, и Австрии; когда Ворошилов, бия себя в грудь, говорит и подчеркивает: «Мы утверждаем»—можно быть уверенным, что он утверждает как-раз то, чего нет» (т. IV, стр. 269).

С образом Ворошилова мы встретимся еще раз в «Материализме и эмпириокритицизме». Столкнувшись здесь снова с Черновым, Ленин вспомнил свою ста-

рую полемику с ним и повторил давно данную им Чернову характеристику: «Г-н В. Чернов верен себе. И в экономических, и в философских вопросах он одинаково похож на тургеневского Ворошилова, уничтожающего то невежественного Каутского, то невежественного Энгельса простой ссылкой на «ученые имена!»¹. В итоге образ тургеневского Ворошилова в сознании читателя так плотно прирастает к незадачливому В. Чернову, что их уже трудно разделить друг от друга и еще трудней отнестись к рассуждениям г-на Чернова серьезно. /

Под определение Ворошилова Ленин подводит и Валентинова («Ворошилов-Валентинов», т. XIII, 153), и Юшкевича («Ворошиловы-Юшкевичи», т. XIII, 239). Ленин вкладывает в это понятие совершенно конкретное содержание и сам поясняет, какой смысл он придает «ворошиловскому» типу: «А г. Чернов обнаружил своим «разбором» Энгельса еще раз свои ворошиловские качества: простой пример Энгельса показался ему «странным и наивным»! Философией он считает только гелертерские измышления, не умея отличить профессорского эклектизма от последовательной материалистической теории познания»². Ниже Ленин раскрывает еще раз это «ворошиловское качество»: «Смешно тут прежде всего поразительное невежество г. Юшкевича. Как и все Ворошиловы, он прикрывает

¹ Собр. соч., т. IV, стр. 215 и след.

¹ Собр. соч., т. XIII, стр. 82.

² Там же, т. XIII, стр. 84.

это невежество набором ученых слов и имен». И дальше идет разъяснение политического смысла упомянутого «качества»: «Весь этот набор слов понадобился нашему Ворошилову для того, чтобы «заговорить» читателя, оглушить его звоном слов, отвлечь внимание к ничтожным пустякам по сути дела»¹. В итоге перед читателем вырастает сжатый до одного эпитета заверченный образ претенциозного невежды, скрывающего свое незнание под ворохом громких фраз и псевдоученных ссылок, цель которого сбить своим «красноречием» читателя, отвести подальше в сторону от верного пути. Какая знакомая фигура! Ленинская характеристика не утратила своей остроты и по сей день: сращенный с политикой, поставленный в новую связь, тургеневский образ заново приобретает свежесть и позволяет лучше понять не только объект сравнения, но и по-новому взглянуть на само произведение, откуда данный образ взят, позволяет глубже осмыслить его значение.)

Зачастую Ленин берет тургеневский текст для иллюстрации своей мысли, для того чтобы оттенить ее и прочнее врезать в сознание читателей или слушателей.

Совершенно незабываемо мастерское использование Лениным тургеневского прообраза в известной характеристике графа Гейдена. «Гейден был «человек», — захлебывается от восторга салонный демократ. Гейден

¹ Собр. соч., т. XIII, стр. 168.

был гуманен.—Это умиление гуманностью Гейдена заставляет нас вспомнить не только Некрасова и Салтыкова, но и «Записки охотника» Тургенева. Перед нами—цивилизованный, образованный помещик, культурный, с мягкими формами обращения, с европейским лоском. Помещик угощает гостя вином и ведет возвышенные разговоры. «Отчего вино не нагрето?»—спрашивает он лакея. Лакей молчит и бледнеет. Помещик звонит и, не повышая голоса, говорит вошедшему слуге: «Насчет Федора... распорядиться». Вот ваш образчик гейденовской «гуманности» или гуманности а ля Гейден. Тургеневский помещик, тоже «гуманный» человек... по сравнению с Салтычихой, например, настолько гуманен, что не идет сам в конюшню присматривать за тем, хорошо ли распорядились выпороть Федора. Он настолько гуманен, что не заботится о мочении в соленой воде розог, которыми секут Федора. Он, этот помещик, не позволит себе ни ударить, ни выбрать лакея, он только «распоряжается» издали, как образованный человек, в мягких и гуманных формах, без шума, без скандала, без «публичного оказательства»... Совершенно такова же гуманность Гейдена»¹. Блестящий образец ленинского освоения и использования классического литературного наследства.

¹ Собр. соч., т. XII, стр. 9—10.

Приводимый Лениным эпизод взят из рассказа «Бурмистр» в «Записках охотника».

Полемизируя с эсерами, Ленин в статье «Революционный авантюризм» пишет: «Наш автор просто сболтнул «пошумнее» против мелкой буржуазии, следуя тому «житейскому правилу», которое в одном из своих «Стихотворений в прозе» излагал со слов «старого пройдохи» Тургенев: кричать погромче против тех пороков, которые за собой чувствуешь. И вот: так как с.-р. чувствуют, что единственным социальным базисом их позиции между двух стульев могут быть разве лишь некоторые мелкобуржуазные слои интеллигенции, поэтому они пишут о мелкой буржуазии так, будто этот термин означает не социальную категорию, а просто полемический оборот речи»¹. То же «житейское правило» Ленин вспоминает и «По поводу «ответа» И. Маслова»: «Маслов усвоил себе рецепт старого тургеневского пройдохи: порицай, как можно громче, то, что сам хочешь скрыть в своих поступках! Другие изменили взгляды и сами указали на это. Кричите громче против этого изменения, чтобы скрыть

¹ Собр. соч., т. V, стр. 155.

Ленин подразумевает здесь находящееся среди „Стихотворений в прозе“ „Житейское правило“: „Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику, — говорил мне один старый пройдоха, — то упрекайте его в том самом недостатке или пороке, который вы за собой чувствуете. Негодуйте... и упрекайте! Во-первых, это заставляет других думать, что у вас этого порока нет. Во-вторых, негодование ваше может даже быть искренним... Вы можете воспользоваться укорами собственной совести. Если вы, например, ренегат — упрекайте противника в том, что у него нет убеждений! Если вы сами лакей в душе — говорите ему с укоризной, что он лакей... лакей цивилизации, Европы, социализма!“...

собственное изменение воззрений! Если нет аргументов, непременно нужно прибегать к шулерству»¹. Ленин прибегает к этой цитате еще несколько раз², причем в одном из этих случаев направляет ее специально против Троцкого: «Троцкий может кричать против нашей фракционности, прикрывая этими криками (старый рецепт тургеневского... героя!) свои должно быть не фракционные «виды» на то, что какой-нибудь имя рек из фракции Чхеидзе с Троцким «согласен» и клянется в своей левизне, интернационализме и пр.»³. Сопоставление Троцкого со «старым пройдохой» достаточно ясно выражает ленинскую оценку Троцкого.

Другая тургеневская цитата, которой охотно пользовался Ленин, взята из «Нови»; ею открывается статья «Оценка Маркса международным либерализмом»: «Один тургеневский герой переделал следующим образом стихи великого немецкого поэта:

Wer den Feind will versteh'n
Muss im Feindes Lande geh'n,

то есть: «кто хочет знать своего врага, тот должен идти в страну этого врага», знакомиться непосредственно с обычаями, нравами, методами рассуждения

¹ Собр. соч., т. XII, стр. 322.

² Там же, т. X, стр. 116; т. XIX, стр. 2.

³ Там же, т. XIX, стр. 29.

и действия врага»¹. В другой раз Ленин употребляет эту же цитату в «Материализме и эмпириокритицизме»: «Читатель, вероятно, негодует на нас за то, что мы так долго цитируем эту невероятно пошлую галиматью, это квазиученое шутовство в костюме терминологии Авенарисуа. Но—wer den Feind will verstehen, muss im Feindes Lande gehen—кто желает знать врага, тот должен побывать во вражеской стране. А философский журнал Р. Авенариуса—настоящая вражеская страна для марксистов»².

Наконец, в одном из последних своих выступлений на IV конгрессе Коминтерна, в ноябре 1922 года, Ленин снова обратился к Тургеневу: «Если наши противники нам ставят на вид и указывают, что, дескать, Ленин сам признает, что большевики совершили огромное количество глупостей, я хочу ответить на это: да,

¹ Собр. соч., т. XII, стр. 165.

Ленин имеет в виду следующий диалог из тургеневского романа „Новь“: „Извини,—перебил Нежданов,—это — неправда. Мы только с врагами нашими и знаться не хотим, а с людьми нашего пошиба, с народом, мы вступаем в постоянные сношения“.

— Стой, стой, стой, стой! — в свою очередь перебил Паклин. — Во-первых, что касается врагов, то позволь тебе припомнить стихи Гете:

Wer den Dichter will versteh'n,
Muss im Dichter Lande geh'n,

а я говорю:

Wer die Feinde will versteh'n
Muss im Feindes Lande geh'n.

Чуждаться врагов своих, не знать их обычая и быта—нелепо Нелепо!.. Да! Да! Коли я хочу подстрелить волка в лесу—я должен знать все его лазы.

² Там же, т. XIII, стр. 259.

но знаете ли, наши глупости все-таки совсем другого рода, чем ваши. Мы только начали учиться, но учимся с такой систематичностью, что мы уверены, что добьемся хороших результатов. Но если наши противники, т. е. капиталисты и герои II Интернационала, подчеркивают совершенные нами глупости, то я позволю себе привести здесь для сравнения слова одного знаменитого русского писателя, которые я несколько изменю, тогда они получатся в таком виде: если большевики делают глупости, то большевик говорит: «Дважды два—пять», а если его противники, т. е. капиталисты и герои II Интернационала, делают глупости, то у них выходит: «Дважды два—стеариновая свечка»¹.

Разумеется, вышеприведенным материалом тургеневские реминисценции у Ленина не исчерпываются. Ленин упоминает и о «пылком тургеневском герое, сбежавшем от Аси» (т. X, 279) и о «прекрасном русском языке, который так хвалил Тургенев» (т. XXVII, 233) и о «Нови» (т. XVIII, 157), и о переписке Тургенева и т. д. Однако в нашу задачу и не входило исчерпать весь наличный материал по данной теме: мы только хотели доказать самую возможность и целесообраз-

¹ Собр. соч., т. XXVII, стр. 353. Ленин перефразирует здесь следующее выражение Пигасова, одного из персонажей тургеневского романа „Рудин“: „Мужчина может, например, сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиной, а женщина скажет, что дважды два—стеариновая свечка“.

ность ее постановки. Для этого нам казалось достаточным показать, что Тургенев не такой уже редкий гость в ленинских произведениях, что Ленин умел найти и у Тургенева сравнения и образы для собственного литературного арсенала и что на этих примерах надо учиться овладению наследством классиков.

В заключение следует остановиться на общей оценке Лениным тургеневского творчества и—last but not least,—политической характеристике Тургенева, данной Лениным.

Ленин называл Тургенева «знаменитым русским писателем» (т. XXVII, 353) и особо высоко ставил замечательный язык Тургенева. Говоря о силе и мощи русского языка, Ленин поставил Тургенева на первое место: «Мы лучше вас знаем,—отвечал Ленин либералам в статье «Нужен ли обязательный государственный язык»,—что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского—велик и могуч»¹. После иронического упоминания на одном из партсъездов о чистом русском языке Ленину тут же снова пришел на память Тургенев².

Очевидно, Ленин ценил Тургенева как художника достаточно высоко: иначе он бы не обращался к нему, черпая из его произведений художественные образы и выражения. Все же ограничиться сказанным было бы неверно.

¹ Собр. соч., т. XVII, стр. 180.

² Там же, т. XXVII, стр. 233.

Тургенев, как всякий крупный писатель, представляет собой не только литературную, но и известную политическую величину. Ленин не обошел молчанием и этой стороны деятельности Тургенева, и его скупые замечания представляют немалый методологический интерес.

Ленин считал Тургенева типичным либералом: «Когда либерал Тургенев написал частное письмо Александру II с уверением в своих верноподданнических чувствах и пожертвовал два золотых на солдат, раненых при усмирении польского восстания, «Колокол» писал о «седовласой Магдалине (мужеского рода), писавшей государю, что она не знает сна, мучаясь, что государь не знает о постигнувшем ее раскаянии». И Тургенев сразу узнал себя»¹. В другом месте Ленин снова ярко и исчерпывающе сформулировал свою оценку политической позиции, занимаемой в свое время Тургеневым. «Современным «социал-демократам» оттенка Шейдемана или, что почти одно и то же, Мартова,—писал Ленин в брошюре «Очередные задачи советской власти» в 1918 году,—так же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил му-

¹ Собр. соч., т. XV, стр. 467.

жицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского»¹. Чем важна эта краткая характеристика? Прежде всего тем, что Ленин вдвигает ею Тургенева в общую перспективу своего понимания исторического развития России. Именно развитое Лениным учение о двух путях—«прусском» и «американском»—исторического развития России дает единственную возможность правильной ориентации и понимания сложного переплета расстановки и борьбы классовых сил в 60-е годы прошлого века, на которые, в частности, падает наиболее существенный период тургеневской деятельности. Выделяя «два пути», Ленин указывал и исторических представителей этих направлений: носителями идей и борцами за «американский» путь развития были, по определению Ленина, выразители крестьянских интересов—революционные демократы, в первую голову Чернышевский и Добролюбов; представители второго—«прусского»—пути были либералы.

♦ У Ленина мы найдем и точную характеристику либералов 60-х годов: «Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного сверг-

¹ Собр. соч., т. XXII, стр. 467.

нуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией»¹.

Теперь ясно значение причисления Тургенева к либералам и последующее противопоставление его Чернышевскому и Добролюбову. Мы видим, что Ленин подошел к Тургеневу с точки зрения борьбы двух путей развития России и отнес его к лагерю сторонников «прусского» пути. Далее, из ленинской характеристики либерализма шестидесятников вытекает отчетливое определение социальной позиции Тургенева, именно как идеолога буржуазии, добивающейся дележа власти с крепостниками. Нет необходимости пояснять, какое большое значение имеет данная Лениным характеристика для литературоведа и историка литературы. Она позволяет вскрыть связь между творчеством Тургенева и его классовой природой, проанализировать под этим углом зрения не только идейное содержание тургеневских произведений, но и стилистические черты: например, ограниченность и условность тургеневского реализма, о котором говорилось в начале статьи, могут получить свое историческое объяснение. Особо важен методологический подход Ленина к Тургеневу, показывающий, с какого конца надо подходить историку литературы к оценке и пониманию

¹ Собр. соч., т. XV, стр. 144.

классовой позиции, занимаемой писателем, поясняющий, что классовая борьба порождает и определяет идеи писателей, а не наоборот. На этом примере надо учиться применять марксистско-ленинскую теорию исторического развития страны к частным явлениям.

«Юбилейная» тургеневская статья, повторяем, не ставила себе задачей исчерпать выписанной в заголовке темы—довольно, если статья сумеет ее поставить. Собственно, она должна бы послужить толчком для ряда аналогичных тем. Ленин владел золотым фондом мировой литературы и образцово им распоряжался. Тургенев—только частица (притом небольшая) ленинского литературного арсенала, и если при предварительном обследовании ленинских текстов удалось обнаружить около полусотни тургеневских цитаций и упоминаний, то по другим писателям жатва будет еще более богатой и благодарной для литературной науки.

Пора обследовать, привести в известность, обобщить и осмыслить отношения Ленина к другим крупным писателям, его оценки писателей, использование литературы в статьях и речах. Одному человеку такая задача, пожалуй, не под силу, но если бы при Литературном институте Комакадемии или Литературном ИКП группа литературоведов взяла на себя выполнение подобной задачи и довела ее до конца—это стало бы крупнейшим вкладом в литературную науку.
